

прежде всего как концепт, обуславливающий его оптическое отражение, что ставит проблему адекватности образа как базовую в современной теории познания. Самоорганизация восприятия проявляется в регуляции комплекса поиска и распознавания информации, выделении существенных её сторон, её селекции и инкорпорации, создании определенной, эмпирически обоснованной и рационально аргументированной гипотезы действительности, обуславливающей ход дальнейших гносеологических процессов.

Литература

1. Алексеев П.В. Теория познания и диалектика / П.В. Алексеев, А.В. Панин. М.: Высш. шк., 1991. 382 с.
2. Антология мировой философии. М.: Мысль, 1969. Т. 4. 385 с.
3. Гегель Г.Ф. Наука логики / Г.Ф. Гегель. М.: Наука 1972. Т. 3. 510 с.
4. Диалектика научного познания / под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 367 с.
5. Малов Д.А. Объективация субъективного как философская проблема / Д.А. Малов, Э.З. Феизов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 138 с.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. СПб.: Ювента; Наука. 1999. 650 с.
7. Минина М.П. Теория отражения и проблема интерпретации: дис. ... канд. филос. наук / М.П. Минина. Чебоксары, 2007. 150 с.
8. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание / В.А. Лекторский. М.: Наука, 1986. 389 с.
9. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. М., 1900. С.31.
10. Феизов Э.З. Действенность психики / Э.З. Феизов, Т.В. Скворцова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 144 с.

СТЕПАНОВ АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (stalex73@bk.ru).

STEPANOV ALEKSEI GEORGIEVICH – candidate of philological sciences, assistant professor of Philosophy and Methodology Science Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 2 - 264:316

В.Г. ТИМОФЕЕВ, Н.В. ПЕТРОВ

СВОЙСТВА МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Ключевые слова: миф, синкретизм, партиципация, бинарные оппозиции, пространство, время.

Для современного общества характерно мифологическое сознание. Проанализированы основные свойства мифологического сознания: синкретизм, партиципация, бинарные оппозиции, пространство и время. Данные свойства мыслительных процессов рассмотрены в тесной взаимосвязи и взаимодействии в ходе познавательной, аналитической и мировоззренческой активности человеческого сознания.

V.G. TIMOFEEV, N.V. PETROV
PROPERTIES OF MYTHOLOGICAL CONSCIENCE

Key words: myth, syncretism, participation, binary opposition, space, time.

The article deals with the fact that mythological conscience is characteristic for the contemporary society such as syncretism, participation, binary opposition, space, time are studied. Given properties of thinking processes are considered in close relationship and interaction during cognitive, analytical and philosophical activity of human consciousness.

В современной культуре миф становится одной из важнейших философских категорий, а мифологическое сознание признается одним из главных направлений культурной ментальности современности.

Мифологизация – элемент всякого личностного сознания вне возрастного, культурного или исторического состояния. Многие исследователи считают, что мозг неандертальца практически не изменился. Но мифологичность сознания все же имеет свою динамику. В частности, формы существования мифологического мышления подробно рассматривал А.Ф. Лосев, утверждая трансцендентальную необходимость присутствия мифа в сознании на любом уровне абстрактного мышления и научного мировоззрения.

Мифологическое мышление характеризуется как инкорпорированное, нерасчлененное мышление, или «пралогическое». Инкорпорированное мышление ха-

рактируется отождествлением субъекта и объекта, природных и культурных явлений, верой в тождество части и целого, безразличием к временной причинности (последующее событие может быть причиной предыдущего, параллельные события могут иметь причинно-следственную связь). Человек не выделяет себя из окружающего мира, что служит основой тотемистических представлений – веры в родство людей с определенным видом растений или животных. В основе представлений о мире лежит принцип сопричастности, или мистической «партиципации», т.е. отождествления различных предметов, лиц, явлений по признаку обладания одинаковыми мистическими свойствами. Согласно взглядам А.Ф. Лосева, в этот период весь мир носителем мифологического мышления воспринимается органически, т.е. как единый живой организм. А.Ф. Лосев развивал идею органичности мифа как актуальную философскую проблему в русле продолжения идей русской религиозной философии и её принципов всеединства и соборности.

В мифологическом сознании на этапе инкорпорированного мышления любой предмет имеет самостоятельную волю и способность превратиться в какую угодно другую вещь или существо, из чего следует принцип тождества противоположностей. Картина мира праологического мышления такова, что все может присутствовать во всем. Здесь же проявляется и дорациональный, чувственный характер мифологического сознания: абстракции мыслятся чувственно, овеществленно.

Можно выделить следующие характеристики мифологического сознания – синкретизм, партиципация, принцип бинарных оппозиций, специфическая организация времени и пространства. Рассматривая перечисленные свойства мифологического сознания, проследим, каким образом они реализуются в мифологическом сознании. Отметим, что данные свойства мыслительных процессов тесно взаимосвязаны и взаимодействуют в ходе познавательной, аналитической и мировоззренческой активности человеческого сознания.

Исследователи отмечают, что собственно мифологическое сознание свойственно, в первую очередь, первобытному человеку. Дальнейшие формы взаимодействия мифа и сознания требуют использования расширенного понятийного аппарата.

Первобытная культура отличается синкретизмом. Многие явления и сущности культурной деятельности человека находятся в зародышевом состоянии, в неразличимом единстве. В форме первобытного синкретизма предстают и представления о мире. Фундаментальная оппозиция природы и культуры в архаическом фольклоре лишь едва выделяется на фоне их отождествления, концептуального неразличения. Мироздание выглядит в глазах носителя первобытного мифологического сознания единым целым, не существует «я» и «не я», субъекта и объекта. Вместе с этим и продукты человеческой фантазии, и плоды мифотворчества неотделимы от реальности и воспринимаются в качестве «неопровержимых фактов бытия». В неразличимом единстве также пребывают формы освоения действительности. С этим свойством человеческого сознания связан тот факт, что некоторые исследователи, опираясь на его познавательную функцию, видят в мифе зародыш науки. Следует отметить, что миф, таким образом, не становится «колыбелью науки», а лишь зарождается одновременно с ее основаниями. Признание синкретизма мифологии как ее специфической черты не позволяет отождествлять мифологию ни с религией, противопоставляя мифологию искусству, ни с искусством, противопоставляя мифологию религии.

Подобным же образом соотносятся миф и искусство: находясь в зародышевом состоянии, они синкретично слиты, что не предполагает их тождество в последующем. Хотя не стоит отрицать, что на последующих этапах существования разные культурные формы будут взаимодействовать различным образом, несмотря на дифференциацию функций и способов осуществления. Диффе-

ренциация первобытного синкретизма культуры влечет за собой частичную демифологизацию, но попытки освободиться от мифа не осуществляются в полной мере, демифологизация может быть только неполной, относительной, периодически ее сменяет ремифологизация, что мы находим в XX в. Проводя параллели древнего мифологического и современного мифологического сознания, отметим, что синкретизм как неразрывное единство снова становится одним из ментальных принципов активности человека. Разница же заключается в том, что если единство как первоначальный синкретизм было обусловлено едиными «корнями» и синхронностью становления, то единство в XX в. скорее синтез ранее разделенных частей. Если учесть степень слитности различных сторон культурного дискурса рассматриваемого периода и предположить повторение цикла «синкретизм – дифференциация – синтез», то можно констатировать, что такое свойство мифологического сознания, как синкретизм, не теряет своей актуальности и для мифологизированного сознания.

Вместе с тем мифологизированное сознание предполагает не единство, а, напротив, – множественность представлений и артефактов. Но уже намечаются тенденции к стиранию границ, которые приобретут глобальный характер в континууме постмодерна. Множественность перестает быть антитезисом единства и становится характеристикой не формы, а качества культурного материала как наполнения сознания.

Партиципация, или сопричастие, в качестве свойства первобытного мифологического сознания была выявлена Л. Леви-Брюлем в рамках исследования ментальных особенностей «дикаря». Суть партиципации – всеобщая мистическая связь предметов и событий мира, абсолютная взаимозависимость и взаимообратимость. На стадии формирования мышления и его мифологических оснований человек еще не выделяет себя из мира природы, из социума, равно как и социум не отделяет от природы. Это свойство мировосприятия и, следовательно, аксиома мифических построений вытекает из синкретических представлений о мире. Иллюстрацией и доказательством присутствия мистической партиципации могут служить многочисленные обряды и закономерности магических операций. Партиципация подразумевает тождество части и целого: например, часть человеческой плоти, волосы, ногти – и весь человек.

В языке партиципация проявляется в отождествлении слова и денотата, означающего и означаемого. А.Ф. Лосев называл это особым символизмом мифа, который никогда не означает ничего иного, чем есть он сам. Особую значимость в контексте мифологического сознания приобретает имя-слово: обладая всей своей драгоценностью и характеристикой чудесного, изреченное в нужный или ненужный момент, оно способно перекроить всю карту мира, так как называющий слово осуществляет чудо.

Не-выделенность человека из мира и, следовательно, абсолютная зависимость человека от природы-социума подчеркивает первостепенное значение инициации в ряду первобытных обрядов. Суть обряда инициации заключается во включении индивида в систему природы-социума, в установлении этих самых мистических связей. Примату идеи инициации в первобытных ритуалах и верованиях посвятил свои исследования Дж. Фрезер.

В инициации, по Кассиреру, раскрывается «симпатический» принцип отношения к миру: человек чувствует свою неотрывность от природы и подходит к ней, исходя из параметров своего видения. Человек мифологический вполне реализуется только будучи «включенным» в мир, он слит с ним воедино.

Представление о магической партиципации как отношения между предметами и явлениями мира сохраняется в «номинативной» форме отношения мифа и сознания и не теряет своей актуальности для мифологического сознания XX в.

Идея партиципации, сопричастности, лежит в основе новейших теорий, в частности, – «холотропии» как новой научной парадигмы: часть (человек и его гены) воспринимается как модель целого. Партиципацию можно обнаружить и в тенденциях философских построений. В начале XX в. «абсурдное сознание» становится толчком к возникновению «экзистенциального мышления, отказывающегося от различения субъекта и объекта, мышления, в котором человек выступает как экзистенция, как телесно-эмоционально-духовная цельность, так как экзистенция находится в неразрывном единстве с бытием» [1, с. 45].

С развитием сознания появляется необходимость структурировать представления о мире. Для систематизации картины мира первобытное сознание пользуется принципом бинарных оппозиций, при котором все предметы и явления мира противопоставляются попарно: белое – черное, свет – тьма, мужчина – женщина, солнце – луна и т.п. В более развитой картине мира в качестве осеобразующей бинарной оппозиции выступает пара состояния – Хаоса и Космоса, оценки – Света и Тьмы как метафор Добра и Зла, отношения – Свое и Чужое, Мы и Они, происхождения – Демиурга-Творца и Матери-Природы. Принцип бинарной оппозиции является базовым условием для формирования картины мира независимо от временных или географических условий формирования сознания.

Е.М. Мелетинский связывает принцип бинарных оппозиций с метафоричностью, символичностью мифологической логики. Такая логика «пользуется конечным набором средств, выступающих то в роли материала, то в роли инструмента и подвергающихся периодически «калейдоскопической» реаранжировке» [4, с. 114]. Мифологическая логика широко оперирует двоичными оппозициями чувственных качеств, реализованными в конкретные образы. Бинарные оппозиции низшего порядка все более семантизируются, приобретают более обобщенный, абстрактный смысл, превращаясь в способ выражения фундаментальных морально-бытийственных оппозиций, таких, как добро – зло, жизнь – смерть и т.д. Бинарные оппозиции в контексте партиципации сопровождаются феноменом амбивалентности. Суть феномена амбивалентности в наделении одного персонажа парой противоположных качеств, что связано с тождеством противоположностей. Аполлон например, и лучезарный, и жестокий, и мстительный одновременно.

На примере текстов мифов амбивалентность раскрывается следующим образом. Принцип изоморфизма в своем предельном качестве сводит все возможные сюжеты к единому сюжету, который инвариантен всем мифоповествовательным возможностям и всем эпизодам каждого из них. Многообразие социальных ролей реальной жизни в мифе «свертывается» в предельном случае в один персонаж. Свойства, которые в не-мифологическом тексте выступают как конкретные и взаимоисключающие, воплощаясь во враждебных персонажах, в пределах мифа могут отождествляться в едином амбивалентном образе.

Структуризация картины мира по принципу бинарных оппозиций характерна для романтизма. Диаметральны противопоставляются мир реальный – и мир фантазии, позитивный романтический герой – и негативный, непонимающий мир. Более того – господство именно бинарной картины мира, на допускающей оттенков и диалектичности образов и сюжетов, мы можем наблюдать в современном обыденном сознании. В контексте анализируемой культурной эпохи принцип бинарных оппозиций и медиативной амбивалентности ярко проявляется в конъюнктивной логике модернистских текстов.

Таким образом, бинарные оппозиции не только существуют в рамках мифологического сознания, но и являются одним из ключевых свойств мифологизированного, хотя в последнем случае господствующим явлением все же оказываются амбивалентность и партиципационные тенденции.

Мифологическое сознание характеризуется особым представлением о пространстве и времени. Рассматривая мифические пространственно-вре-

менные координаты, мы предполагаем, что, несмотря на позднейшее появление дуальных представлений о пространстве и времени в мифологическом сознании, мифическое время и пространство сохраняли свои определяющие качественные характеристики. Бинарное структурирование имело место лишь на более поздних этапах формирования картины мира, в то время как изначально реальное и мифическое в сознании пребывали в синкретическом единстве, обуславливающим мистическую партиципацию.

Центральной проблемой мифологического пространства и времени является цикличность, которая влечет за собой вопрос о множественности и единичности мифического события. По мнению Лотмана как представителя тартуской школы, в мифе «время мыслится не линейным, а замкнуто повторяющимся, любой из эпизодов цикла воспринимается как многократно повторяющийся в прошлом и имеющий быть бесконечно повторяться в будущем» [2, с. 24]. М. Элиаде разделяет идею о вечном возвращении и многократности мифического события. Так как время и пространство в мифологическом сознании обладают схожими свойствами, можно говорить о них как о пространстве-времени, или «мифических координатах». Каждая из таких «координат» является для носителя мифологического сознания не однородной и не непрерывной. Мифическое время, или, пользуясь терминологией М. Элиаде – «Священное Время», по своей природе обратимо, оно может быть возвращено и повторено бесчисленное множество раз. Такое время не «течет» (т.е. лишено линейного движения), не составляет необратимой «протяженности». Отметим, что обратимость необязательно предполагает цикличность. Но М. Элиаде настаивает, что «священное время» всегда тождественно самому себе, «не изменяется и не утекает, парадоксальным образом предстает как круговое, обратимое и восстанавливаемое Время, некое мифическое вечное настоящее, которое периодически восстанавливается посредством обрядов» [5, с. 38].

Мотив возвращения, который внешнему наблюдателю обряда может показаться инсценировкой, воспроизведением мифического события, его тиражированием, для мифологического сознания является собственно возвращением к однократному оригинальному мифическому событию. Мифологическое время, таким образом, не циклично, но перманентно зафиксировано в точке события, оно есть некий хронотоп, к которому необходимо возвращаться. Мифическое время может быть соотнесено, скорее, с вечностью, вечностью однократного мифического события, к которой хочет приобщиться носитель мифологического сознания посредством воспроизведения обстоятельств мифического события в ритуале.

О вечности как мифическом времени говорит и А.Ф. Лосев. Применяя диалектический подход, он приходит к выводу, что мифическое время есть нечто не временное, т.е. вечное. Такое время не имеет конца, т.е. бесконечно, следовательно – вечно. Противоречие состоит в том, что вечность дана сразу в качестве феномена, время же является процессом и обладает собственной динамикой. В мифологическом сознании «время есть алогическое становление вечности, где безграничное становление и вечное самоприсутствие есть одно и то же» [3, с. 48].

Проблема пространства и времени выходит за рамки исследований отношения мифа и сознания. В XX в. снова встает вопрос о понятии пространства и времени. Время, пространство интериоризуется, т.е. становится неотъемлемой частью неразрывного единства наблюдателя и наблюдаемого. Феномен неомифологического сознания в начале XX в. актуализирует мифологическую циклическую модель времени – циклического времени аграрного культа. В философии рубежа веков становится популярным архаический миф о вечном возвращении. Апологетами вечного возвращения становятся Ф. Ницше, О. Шпенглер (учение о повторяющихся циклах), А.Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилев.

Противопоставляя линейное время рациональной картины мира циклическим пространственно-временным представлениям мифологического сознания,

представители тартуской школы указывают на абсолютную природу линейного времени в противовес конкретности циклического. Линейное время признается безразличным по отношению к наполняющим его событиям, гомогенным и, таким образом, может восприниматься как однородная и бесконечно делимая субстанция, равная самой себе в каждой своей части; таким образом, оно может рассматриваться как предсуществующий каркас, к которому так сказать, пригнана Вселенная и в рамках которого происходит развитие событий.

Циклическое время, напротив, не гомогенно, качественно разнородно, неразрывно связано с событиями, которыми оно наполняется. Следует отметить, что в стремлении структурировать пространственно-временные отношения в мифе, тартуская школа, возможно, увлеклась принципом бинарных оппозиций. Линейная модель времени не обязательно обуславливает «объективность» и рациональность представлений, равно как и гомогенность этого линейного времени. Например, линейность времени может предполагать его обратимость.

Вопрос о негомогенной сущности мифического пространства и времени следует рассматривать без отношения к цикличности. Еще раз отметим, что мифическое пространство в отличие от «физического» не оторвано от содержащихся в нем предметов. Оно, как и мифическое время, не является гомогенной, т.е. однородной средой. Разные «участки» времени-пространства могут иметь разные скорости течения и различную насыщенность. Мифическое время и пространство не изотропны (не все равно, в каком направлении двигаться или указывать), предметы в мифических координатах не имеют четкого пространственно-временного расположения в профаном смысле. География мифа дискретна, все значимые события происходят в опорных точках пространства-времени, рождая явление «хронотопа». Кроме того, многослойность мифологического времени и пространства приводят к тому, что «любая точка мифологического пространства и находящийся в ней действительный обладает тождественными им проявлениями в изоморфных им участках других уровней, мифологическое пространство обнаруживает топологические свойства: подобное оказывается тем же самым» [2, с. 86].

С появлением диахронизма картины мира мифическое время и пространство существуют синхронно и параллельно с обычными, реальными пространством и временем. Священное пространство находится «поверх» профанного либо внутри его. Различные в профаном пространстве места могут оказываться идентичными в священном пространстве. Но диахронизм также предполагает не только и не столько разделение, сколько анализ для последующего синтеза, и оборачивается присутствием сакрального в профаном, прошлого в настоящем, вечного в конкретно-временном, единого и общего в частном и др.

Мы отметили лишь базовые свойства мифологического сознания, которые не теряют своей актуальности, хотя и предстают в несколько иной форме в современном мифологизированном сознании.

Литература

1. Буренина О.Д. Символический абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века / О.Д. Буренина. СПб.: Алетейя, 2005.
2. Лотман Ю.М. О мифологическом коде сюжетных текстов / Ю.М. Лотман // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.
3. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука / А.Ф. Лосев. М.: Дело, 1993.
4. Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания / Е.М. Мелетинский. М.: Прогресс, 1998.
5. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.